

DOI: 10.15643/libartrus-2022.1.1

О задачах семантики как науки. Лингвистическая – логическая – философская семантика: предметно-творческое разграничение и сотрудничество

© В. В. Ильин*, Е. К. Шаура, Т. В. Шафигуллина

*Калужский филиал Московского государственного технического университета имени Н. Э. Баумана (национальный исследовательский университет)
Россия, 248000 г. Калуга, улица Баженова, 2.*

**Email: vvilin@yandex.ru*

В широчайшем отношении семантика (семасиология) наряду с синтактикой и прагматикой есть раздел семиотики (семиологии) – науки о знаковых системах, – подчиненный задаче выявления значения, установления смысла языковых (знаково-информационных) конструкций. При учете предметной фокусировки исследования последних аналитические устремления семантики дифференцируются: содержательно, методологически, методически – поисково – обособливаются концептуальные ареалы: лингвистическая, логическая, философская семантика. Цель последующего изложения – уточнить их познавательные претензии через призму точек роста, соприкосновения и разобщения дисциплинарного и междисциплинарного взаимодействия и развития.

Ключевые слова: *семантика, смысл, значение, понимание.*

Нерв консолидации творческих усилий трех видов семантик – уяснение природы самореализации человека как существа символического: перекрывая границы животного мира с главенством первосигнальных связей, homo signum жизнеутверждается по правилам связей второсигнальных; способ его аутентичных заявлений оказывается исключительно знаково-символическим [6]. Отсюда – семантику оправданно квалифицировать как предельный внешний контур человековедческих рассматриваний, который, абсорбируя рефлексию, реконструкцию такой универсальной черты человечности, как символическая черта, образует фундаментальный компонент гуманитаристики. Скажем больше: коль скоро знаково-символическая атрибуция является имманентным человечности существенно-необходимым, универсальным признаковым параметром, монополюсно тематизирующая его семиотика функционирует относительно человековедения в качестве базисной теории (ВТ) [9].

Далее – естественная аналитическая дивергенция ВТ с обособлением:

- синтактики – изучение правил сочетания, упорядочения, образования-преобразования знаков в знаковых системах безотносительно их значениям;
- семантики – изучение знаковых систем под углом зрения их смысловых и референциальных возможностей;
- прагматики – изучение коммуникативных функций знаковых систем.

И соответственная же аналитическая дивергенция внутри семантики с автономизацией лингвистической, логической, философской семантики, где первая версифицирует изобразительно-выразительный потенциал знаковых систем, вовлеченных в символическую (второсигнальную) интеракцию; вторая версифицирует логический потенциал – демонстративную

организацию знаковых систем; третья версифицирует проекционный потенциал знаковых систем, соотносящихся с отстраненными «сверхзнаковыми» реалиями.

Лингвистическая семантика – аналитика текста, систематика текстосозидания по филологически сбалансированным формам – правилам сочетания знаков в выразительные скопления, – морфологически, синтаксически, лексически, фразеологически и т.д. корректно организованные единства.

Для экспликации поставим мысленный эксперимент по техническому заданию: выполним элементарное четверостишие, состоящее из восьми слов с характерным обременением: по учету количества строчек – каждое слово первых двух строк начинается с четвертой буквы алфавита – «Г»; тогда как каждое слово вторых двух строк начинается с восьмой буквы алфавита «Ж».

В мире fiction модельным усилением получим:

Гнастью – грыть
Грастью ганерии, –
Жамью – ждить
Жудью жамерии.

Не мудрствуя лукаво, по большому желанию в тексте как сочетании звуков-знаков позволительно различать – касательно:

- внешнего облика слов – репрезентантов каких-то отношений – группы «субъекта» (актива) (в данном случае лингвистически опущенного), «объекта» (пассива), «предиката» (действие), «признака» (адъектива);
- фоники – некую «изысканность» звуковой инструментовки, – усматривая аллитеративные параллелизмы;
- размера (реагируя на рифмованность не идеально – по метру – созданной текстемы) допустимо прибегать к характеристике: логаяд строчный с организацией 1 и 3 строки по тонике; 2 и 4 строки – по дактилю.

Язык неистощим в словообразовании, «соединении слов» (Пушкин) в законченные высказывания (фразы) и далее – спланировании фраз во внутренне связанные композиционно и мыслительно относительно завершённые последовательности речевых (письменных) изъяснений (тексты). Откуда обобщенно следует: лингвистическая семантика осваивает необозримое многомерное текстовое пространство, посредством квалификации языковых фактов проводя релевантные идентификации.

В случае непосредственного общения – встройки коммуникантов в текстовосприятие «как процесс» – осуществляется маркировка:

- лингвистическая: вербальный момент – установление фонической, грамматической, лексической, фразеологической, социолектической определенности;
- паралингвистическая: невербальный момент – установление интонационной, кинетической, мотивной, поведенческой определенности как ситуативного декора речевого взаимодействия (специфического заявления в нем субъектности в переходе от дискурса к событийному моменту).

В случае опосредованного общения – встройки коммуникантов в текстовосприятие «как результат» – проводится маркировка особенностей текстового массива:

- как «отчужденной» данности «в себе»;
- в ближайшей эксплицитной сфере контекста – зоне содержательной релевантности,

оттеняющей свойства полезной информации;

- в удаленной имплицитной сфере подтекста – зоне скрытой позиционности, индуцирующей несобственные, неаутентичные, привходящие трактовки выражаемого [5, с. 123–150].

Резюмируя, выскажемся решительно: лингвистическая семантика изучает явления словесности (!) как фактуальный остов языкознания, филологии. Центральной самодостаточной единицей аналитических рассмотрений-размышлений пребывает «слово»; более широкое интеллектуальное движение от «слова» к «предложению» осуществляется уяснением значений входящих в предложение слов – их внешней и внутренней формы. На данном фундаменте разворачивается профессиональное удостоверение качества фраз – текстом по акцентуированию фонетических, интонационных, морфологических, синтаксических, идиоматических, аксиологических, когнитивных особенностей.

Усматривая в лингвистической семантике самодостаточную отрасль *in specie*, ограничим круг ее компетенций (отказываясь от дополнительных различий: «словоцентризм» (лингвистика знака – Пирс, Соссюр) – текстоцентризм (лингвистика речи – Бенвенист)) установлением языковых (!) смыслов на базе выявления вербальных значений (до границ учета коммуникативного контекста; расширительное толкование референциальной сферы лингвистической семантики включением в область релевантных значений влияний традиции, истории, идеалов, образов контрагента, ориентаций реципиента и проч., по сути, снимает различия лингвистической и нелингвистических типов семантик).

Референциальное поле лингвистической семантики – пространство понятийных денотатов, осваиваемое ресурсами языковых процедур, автономная локомоция которых стимулирована двойственной тенденцией:

- 1) интралингвизм – моделирование формальной (грамматической) стороны языка от программы «универсальной грамматики» (Пор – Рояль) до программы *lingua mentalis* (Вержбицка) с уточнениями: линия Рейзига – изучение изменения значений слов; линия Пауля – изучение переносов; линия Гумбольдта – изучение обусловленности мыследеятельности языковыми каркасами; линия Сепира – Уорфа – учет лингвистической относительности; вплоть до формальной семантики Монтегю, ограничивающейся изучением «значения предложения».
- 2) экстралингвизм – отход от слово-, текстоцентризма (лингвоцентризма) как потенциально узкой парадигмы, игнорирующей вхождение в «вербальные значения» знаний о мире (сверхлингвистических предпосылочных, базисных знаний).

Вербальные контексты не исчерпывают смысловые контексты:

- по содержанию: «нельзя все-таки выразить всего того, что думаешь» [24, с. 245];
- по субъективной (внесловесной) интенции (задаваемой теми же риторическими вопросами), –
 - Можно ли, друг мой, томиться в тяжелой кручине?
 - Как не забыть, хоть на время, язвительных терний? [27, с. 169];
- по «чувству жизни», – в реконструкции человекоемких контентов, осваиваемых ресурсом объемных междисциплинарных систем типа социолингвистики, когнитивистики, психолингвистики, культурологии, антропологии, этнолингвистики и др.;
- по рукотворной гармонии, делающей из «текста» «произведение». Как говорил Гете:

«за одним словом тянется другое... в конце концов выходит нечто, по существу не представляющее собой ничего, но имеющее такой вид, будто оно есть нечто» [4, с. 19]. На отрешенном философском сленге речь – о тонких количественно-качественных обусловленностях, применительно к обсуждаемой теме обозначающих переход («скачок») от «текста» к «произведению». Отметая экивоки, голый «текст» конструируется элементарным знако-звукосочетанием (в «заумных» людических упражнениях, как, скажем, в абстрактной знако-звукописи Крученых «Дыр бул щир убещур»). В «тексте» как концентрате вырожденной «речи» вполне возможно не уважать «никакую органическую цельность» [1, с. 423], чего, однако, никак нельзя допускать в случае «произведения», выполняемого по экзистенциально выношенной телеологии, предусматривающей, по Гегелю, выстраивание диалога автора с каждым стоящим перед ним человеком;

- по сущностному назначению. Задача словесности – через анализ слов, словесных образов постигнуть технику закрепления жизнензначимостей. Но не только. Сверхцель – достичь разумения, как охватываемые словами жизнензначимости оплодотворяют человеческий рост, катализируют наращивание гуманитарности.

Возделывание жизни, души, духа не сводится к налаживанию «словесного процесса», лишь обрамляющего деликатнейший процесс пестования человечности как состояния «обостренного ощущения Всебытия» (Бунин).

На фоне сказанного акцентуируем: изучая явления словесности, лингвистическая семантика устанавливает смыслы-значения изображаемо-выражаемого по внешней и внутренней форме слова, принимая в расчет определенность:

- ударения: уже – ўже, лука – лўка;
- интонации: усиление, замедление, повышение, понижение звука (голос вверх – вопрос: пойдем?; голос вниз – восклицание: пойдем!);
- расчленение речи: паузирование (остановка-приостановка речи), в письменности – знаки препинания;
- мелодики слова: характер звукоизвлечения – типы фонем, акузмы, кинемы; артикуляция; аккомпанементация; каденции; скорость произнесения;
- жестово-мимическо-пантомимического обрамления слова (гримасы, ужимки, улыбки и т.п.);
- логического ударения (он пришел; он пришёл);
- порядка слов (вплоть до зевгм, анаколуфов);
- порядка букв (метатеза);
- аутентичности выражаемого (парафраза);
- темпоральной значимости (архаизмы, изводы, неологизмы, варваризмы);
- статистической значимости (частотность);
- грамматической значимости (категории рода, числа, падежа);
- синтаксической значимости (категории времени, места, субъектности, объектности);
- фонетической значимости: характер высказывания (звуко-символические, психо-соматические, коммуникативные особенности);
- ассоциативности ситуаций (синтагматические ряды: произносить-изрекать-мямлить-цедить-рявкать и т.д.);
- прямого-косвенного значения (перегорел – «перестал светить» и «утратил соревновательность»);

- образности: слово как «знак значения» в разряде художественности – метафорическая утрата понятности;
- афористичности («устав о неуклонном сечении»);
- эмотивности (введение сопряженностей, соположений, расширений, сужений, ремарок, сближений, контрастов, отступлений, квалификаций, конкретизаций, параллелей и т.п.);
- социальной идентичности: у всякого сословия – свое платье, мысли, обычаи, манеры, язык; [2, с. 290–291];
- стилистики: колорит заявления мыслей, речевых решений – маркировка авторства;
- лексической экспрессии: ласковость (доченька); снисходительность, ироничность (бороденка), пренебрежительность (высочка); увеличительность (кулачищи); бранность (прохвост) и т.д.;
- культурного уровня: смысловые повышения-понижения, просторечие, диалектизмы;
- фразеологичности: устойчивые сочетания слов;
- жанровости: учет направленности текста от романистики (эпос, лирика, драма) до публицистики (фельетон, очерк);
- идиоматичности: неразложимые словосочетания с определенным значением;
- когнитивной стереотипности: типы ментальности, жизнеориентированности («русский характер»);
- метафоричности: смысловые переключки по сходству – контрасту;
- фразового окружения слова: «петух» – «дать петуха» – «пустить красного петуха»;
- строения фраз (текстем) с позиций эмфатической акцентировки (анафора, эпифора, синтаксическая тавтология, словесная градация, инверсия, оксюморон и т.д.).

Индукцируемый лингвистической семантикой устойчивый мотив концептуального освоения объектно-смыслового представительства в «знаке – слове – тексте» подхватывает логическая семантика, доводящая изучение знакообразных миров с, так сказать, лингвистической онтологией, задаваемой формальной операторикой с формульным материалом, *ad extremities*.

Подобно лингвистической логическая семантика исследует смыслы, значения языковых (синтаксических) выражений как компонентов текста в их отношении не к вещному (естественному), но знаковому (искусственному) миру.

Как создаются логические тексты (системы)? Фиксированными предписаниями образования-преобразования формул, получаемых как сочетания элементов алфавита по строго вводимым правилам. «Значение» алгоритмически генерируемого формульного массива устанавливается интерпретацией – набором модельных образов, уточняемых (по Крипке) триумвиратом $\{W_0; \{W\}R\}$, где W_0 – выделенный мир; W – возможные миры; R – явное отношение достижимости [17, с. 28–29], связывающее возможные миры.

Ввиду многозначности компонентов модельных структур, конституирующих смысловую, денотативную значимость знаковых конструкций, количество интерпретаций последних практически не перечислимо; в исключительных случаях удастся минимизировать разброс интерпретаций формально-знаковых исчислений.

Интерпретация в лингвистической семантике суть установление значения, приписание смысла посредством идентификации качественных особенностей текста – вскрытием характерных параметров словообразования, лексики, внешней-внутренней формы слова, ближайших

дальнейших его значений, гиперонимическо-гипонимической структуры, буквальности-фигуральности и т.д.; интерпретация в логической семантике довольно-таки художочная процедура придания смысла синтаксическим (формальным) записям заданием некой функции, ставящей в соответствие переменным (как правило) абстрактные классы объектов (применительно к возможным мирам – состояний в зависимости от структуры логического языка). Семантические концепты в логику вводятся либо аксиоматически, либо дефинициально, что обедняет круг семантических разысканий формальными установлениями непротиворечивости, полноты рассматриваемых систем (1 случай), равно как адекватности метаязыка, располагающего средствами описания эффективности использования объектного языка (2 случай).

В такой редакции (ср.: подходы Хвистека, Лесьневского) «онтология» обсуждается в терминах теории именования с центровкой принципа: элементами классов являются единичные непустые имена, если номинируемые ими сущности принадлежат классу; онтология – дериват номинации.

Исследуя отношения логических знаков, логическая семантика в точном смысле слова функционирует как лингвосемантика с некоторыми немаловажными особенностями.

Лингвистическая семантика изучает словесную организацию мысли, – тогда как логическая семантика – смысловую ее организацию. Отличие – в утрировании признаковой определенности, начиная с простейшего: формальная логика оценивает структуру высказываний с позиций не грамматической связи подлежащего со сказуемым, но смысловой связи субъекта с предикатом. Налицо разные типы правил реализации операции «связывания».

Так, в высказывании «У человека есть красивая шляпа» лингвистика сосредоточивает внимание на сцепку подлежащего «шляпа» (известное) со сказуемым «есть» (новое); ее не занимает косвенное дополнение «у человека». Между тем логика озабочивается фиксацией смысловой субъектности, перенося акцент со «шляпы» на «человека». Логически радикальна идея не «шляпности», но «человечности»: субъект – актанта сообщаемого. Восстанавливая формальную субъектность, логика устремляет внимание на подчеркивание смыслового отношения; сверхцель – донести информацию не о предмете, а о его обладателе, что и обслуживается логической конструкцией высказывания в виде субъектно-предикатной формы на смысловом (не грамматическом) уровне [25].

Однако на этом эвристические дифференцировки лингвистической и логической семантики завершаются; в остальном они движутся по достаточно узкой колее лингво-, текстоцентризма.

Подобно лингвистике формальная логика черпает смыслы, предметные значения из употребления слов. Довольно взять в расчет ригидную идеологию выстраивания формализованных текстов с их семантикой, крепящейся на весьма искусственных методах именования; экстенционала, интенционала; неполных символов; жестких десигнаторов (Фреге, Карнап, Монтегю, Рассел, Крипке), дабы убедиться: логическая семантика суть синтактика.

Платформа представительства «мыслимого» через «языковое», намечаемая Луллием, Скотом, получает развитие (через Уилкинса, Дальгарно, Валлиса, Декарта, Полициано, Альштеда, Юнга, Гленвиля) у Лейбница, – в проекте «универсальной характеристики» выдвигавшего программу всеобъемлющей калькуляции: «И хотя давно уже выдающиеся мужи выдвинули идею некоего универсального языка... никто, однако, не попытался создать язык, или характеристику, в которой одновременно содержалось бы искусство открытия и искусство суждения... Когда же я отдался этому исследованию более усердно... поневоле натолкнулся на

ту замечательную идею, что можно придумать некий алфавит человеческих мыслей (! – авт.) и с помощью комбинаций букв этого алфавита и анализа слов (! – авт.), из них составленных, все может быть открыто и разрешено (! – авт.)». Никоим образом! Нет! Ни в каких случаях – нет!

Стратегия подменить творчество символической (синтаксической) операторикой, эвристику калькуляцией – формальным исчислением – алгоритмом наращивания формульных записей (строчек – «машина» Поста) вполне понятна: она отвечает наивным гносеологическим устремлениям чисто технически получить всю полноту знания из ранее вскрытых прозрачно-непререкаемых самооправдываемых основоположений. (Гносеологическому идеалу тотальной расчислимости познавательных действий корреспондирует политический идеал универсальной расчислимости социальных действий, пестуемый интеллектуалами эпохи Просвещения, обуреваемыми надеждой учредить совершенное общество по началам всепостигающего разума [11, 13, 14].)

Формальная реконструкция содержательных рассуждений сообщает последним преимущество относительной однозначности, точности, строгости, однако не посягает (ввиду капитальных ограничительных результатов Геделя, Тарского, Левенгейма, Сколема) на редукцию содержания к форме, тем более – формулировку правил открытия, получения новых (сверхсловесных) истин.

Некий рецидив мощной эпистемической традиции механического вывода – обоснования истин из самоочевидных логонов мысли позволительно усмотреть в сфере лингвистической семантики – доктрине семантических примитивов (интуитивно ясных тезисов – Вержбицка); в сфере логической семантики – в логическом функционализме, отождествляющем удостоверение истинности формальных конструкций с табличным методом выстраивания разрешающей процедуры; в логическом редукционизме, вводящем технику сведения интенционалов к экстенционалам; для более тонких эпизодов интенциональных функций допускается апелляция к психическому преформизму (?) – врожденным схемам действия (Хомский), схватывающим идеалии (эйдосы) идеационным актом сознания (Монтегю).

Логическая семантика – добропорядочная дисциплина, гносеологическая недостаточность (не хочется говорить «узость») которой, однако, обусловлена исходным принципом установления смыслов, приписывания значений по оценке свойств языковых выражений. Именно в данном пункте кроется ущербность формального подхода репрезентировать природу неязыковых объектов ресурсами (исключительно) языка.

Аналогичное – по части определения функции «истинности». Упор на исследование не вещных, но знаковых связей влечет синтаксическую (!) трактовку «истинности». Скажем, выражение $W \in \varphi(P)$; W – составляет множество миров, где справедливо задаваемое функцией $\varphi - (P)$. Такое возможно на худосочном плацдарме замены анализа отношений «знак-объект» отношениями «знак-знак» с предметно тощей схемой индексации истины по формальному приписыванию.

Подобная познавательная тактика, очевидно, невдохновенно элементарна; некое критическое резюме ее беспристрастной оценки заключается в понимании:

- условия истинности знания, как такового, не конституируются формально (ср.: парадоксы материальной импликации и трудности реализации программ строгой, сильной, аналитической, интенциональной, релевантной импликаций);
- богатство реального познания не втискивается в прокрустово ложе реконструктивного формально-логического инструментария; близорукость логической семантизации

отличает представления многоотсечных, многогранных концептов типа «Время», «Человек», «Жизнь», «Опыт» и т.д. с обслуживающими их экзистенциалами, философемами, сценографиями реальности;

- фактическое многообразие человеческого достояния-наследия не имеет прямого синтаксического представительства, допускающего строевую (формальную) фиксацию;
- востребует уточнения тезис Фреге «логика есть наука о наиболее общих законах бытия истины» [29, с. 307]. Истины – какой? Сугубо логической, но не эмпирической. Логика не располагает органом выявления и даже оправдания (учитывая непреходящую роль предпосылочного, фонового знания в данном процессе [7]) фактической (тем более – судьбической) истины. Свойства логической истины выражают законы логики (табличный способ); свойства фактической истины выражают законы мира (опытный способ).

Лингвистическая, логическая семантики черпают смыслы-значения в текстах (языковых конфигурациях): в своих профессиональных заботах первая тяготеет к прагматике, вторая – к синтактике. Философская семантика черпает смыслы-значения в реальности; в своих профессиональных занятиях она тяготеет к освоению не знакового, а предметно-вещного сущего, – *status rerum* (SR). Участливыми орудиями данного благодатного дела пребывают верификация, операционализация, реификация, атрибуция, субстантивация, проекция, объективация, эмпирическая интерпретация, – сугубо сверхлингвистические приемы конституирования содержания (установления истины по директивам не когеренции, но корреспонденции – соответствия засловесной, «внетекстовой» действительности – SR).

Философская семантика – референциальна, что в поиске предметных значений, вещных смыслов ориентирует на развертывание неформальной процедуры (подобного нельзя утверждать о той же семантике Соссюра, утрирующей неререференциальный статус смыслов-значений знаков, детерминируемых несубстанциальной системообразностью. Нечто сходное – касательно упоминавшихся логических систем Хвистека, Лесьневского, где «онтология» задана «именованием». Наиболее содержательный фрагмент «знаковещательной деятельности» – литературоведение – изучает типы творческого самовыражения через поэтику, стилистику, – опять же герменевтику текстов под углом зрения художественности), где смыслы – значения представляются достоянием не выразительной, а соотносительной плоскости, аттестующей порядок «внесловесно-внехудожественного сущего».

Оценим знаковую трансформацию предмета обожания – женщины – в незнакомку, «прекрасную Даму».

Поэтически она выглядит художественным олицетворением, романтической метафорой-метаморфозой: под влиянием высокого чувства реальное существо обретает бесконечно дорогую инкарнацию.

Гносеологически она выглядит не символонесущим морфизмом, но элементарной гипостазой, субстантивной онтологизацией плотских качеств. У поэта – изощренная сложносочиненная гипербола, иносказание, выражающее трудно передаваемое «томленье» духа. У гносеолога – изощренное же, но рационально сухое приписание понятию автономного существования.

Вдохновенный символик лирический прием филологически самодостаточен – отобразительно внесюжетен. Подобный же прием философски не самодостаточен – навеян эйдетикически оформленными предметно-вещными обстоятельствами.

Линия литературы – линия эстемы [8], оторачиваемая несубстанциальной эмоциональной настройкой самоценными:

– вопрошаниями:

Чем опять душа полна?

Что опять в ней пробудилось?

(Жуковский);

– восклицаниями:

Какая ночь! Как воздух чист,

Как серебристый дремлет лист,

Как тень черна прибрежных ив,

Как безмятежно спит залив,

Как не вздохнет нигде волна,

Как тишиною грудь полна!

(Фет)

Неопределенно значимые эстематичные упования, однако, никак не укладываются в философскую линию ноэмы [8], востребующую учета не феноменологического, не переживательного фона, но сущностной стороны происходящего.

Какое-то единение несвязанных, крутящихся на собственных автономных орбитах поисковых линий филологической и философской семантики исключает и стратегия решения капитальной для герменевтико-референциальных изысканий проблемы существования.

Языкознание акцентуирует рафинированные интерпретативные действия типа идентификаций эпитета (яркая предикация); сравнения (сопоставление параллельных рядов); символизации (образ внешнего как знак внутреннего); олицетворения (одушевление неодушевленного); воплощения (инкарнация образности); оксюморона (сочетание несочетаемого); прозопеи (персонификация); парафразы (заместительная номинания явно неопределяемого); иронии (контрастный контекст с обратным смыслом); гиперболы-литоты (преувеличение-преуменьшение признаков группы); аллегории (развернутый перенос) и т.д. В тематизации существования языкознание довольствуется стилистически выпуклой нюансировкой – аффективностью, качественной интенсивностью словесного представления, – обрамлениями-включениями основного (традиционно-стандартного) содержания в сетку привходящих ассоциаций, сообщающих ему коннотативные смыслы-значения (по сходству, смежности, контрасту, соперничанию и т.д.) и сближающих его с иными содержаниями. (Расшатыванию принятого содержания понятийного оборота (внутренней формы слова) примешиванием к нему тропных побочных вставок-вкраплений (метафорика, идиоматика, фразеологистика) с необозримостью индуцируемых психологических, экзистенциальных отзвуков-отголосков, оттенков-полутонов, варьирования предметной амплитуды словесного опыта противится формальная логика, ратующая за унификацию, стандартизацию «словоупотребления», укрощение поливалентности знака.)

Языковедческое установление художественной мотивированности «плетения словес» – экспрессивной значимости, слоговых перестроек, интонационности, особенностей синтаксиса, пунктуации, подчеркивания специфичности коммуникационных ситуаций, мелодического рисунка текста, оттенков настроения, – важное познавательное мероприятие изображения, но не отображение реалий (SR). Последним, говоря прямо, ни лингвистическая, ни логическая семантика профессионально не занимаются.

Лингвистическая семантика изучает, тогда как логическая семантика исключает (ригористические конструкции логики от Фреге до Карнапа с весьма искусственными требованиями предметности, однозначности, экстенциональной композиции, взаимозаменяемости, отчужденными техниками введения постулатов значения, L-эквиваленций) [16, 28] «асимметричный дуализм» (Карцевский) знаковой деятельности. Перекрывая эмоциональный заряд образного постижения реальности, многочисленные людические изыски (не говоря, – фокусы, принимая в расчет модельные упражнения «языкового абсурда»), философская семантика сосредоточивается на субстанциальной основе символического опыта: «логика идей» интересуется ее с позиций репрезентации «логики вещей».

Еще раз: философская семантика центрирует традиционную проблематику субъекта и объекта, бытия и мышления, языка и внеязыковых данностей, оставляя в стороне серьезные, интересные, интригующие вопросы кристаллизации смыслов через слово (литература); мизансцену (театр); жест (балет); звук (музыка); цвет (гамма, оттенок – живопись); значение (экстенсионалы – предметно точные, но малосодержательные языки логики).

Герой собственных лингво-семантических разысканий – естественный язык, – необъятный космос национального самосознания. Как точно, емко – у Бродского:

Припадаю к народу.
Припадаю к великой реке.
Пью великую речь, растворяясь в ее языке.
Припадаю к реке,
бесконечно текущей вдоль глаз
Сквозь века, прямо в нас,
мимо нас, дальше нас.

Герой собственных логико-семантических разысканий – искусственный язык, – необъятный космос научного самосознания, формально-алгоритмическая основа развертывания которого, говоря словами Энгельса, заставляет обратить внимание на логику пристальное внимание.

Герой собственных философско-семантических разысканий – зазнаковая реальность – необъятный космос человеческого самосознания, в множестве своих (аксиологических, когнитивных, экзистенциальных, темпоральных, модальных, эпистемических и др.) определений, черпающих силу в сверхзнаковой неформальной реальности (не в реальности языка – те же усилия Фреге, Карнапа, Черча, Куайна и др. ликвидировать антиномии (неоднозначности) теории именования). Герой философской семантики – предметная напитанность мысли, – вещная (неязыковая) онтология с продуктивно замкнутыми на нее гипотезами существования.

Отсюда – интенция на содержательную (неформальную!) оценку символонесущих контекстов-текстем под углом зрения не внутренней – грамматической (структура предложений), логической (структура высказываний), но внешней – субстанциальной (структура обстоятельств) оправданности, где установление смыслозначимости осуществляется сверхсинтаксическими некогерентными процедурами очерчивания материальных полей, натуральных прототипов знаков – их «земной основы» (Маркс).

Сказанного довольно для промежуточного подытожения: лингвистическая семантика произрастает из словесной организации; логическая семантика – из смысловой организации; философская семантика – из предметной (отобразительной) организации мысли. Осваивая разные (равнозначные) измерения мыследеятельности, солидарно три вида семантик решают

капитальную познавательную проблему отношения слова к мысли и мысли к реальности (бытие через «логос») (головомомная идея непосредственной – магической – связи слова с реальностью, пестуемая широко понятым символизмом, далее не обсуждается).

Положа руку на сердце, следует признать: избежать той или иной тематизации философского вопроса отношения языка к действительности ни языковедение, ни логика (при всем утрировании специфичности их профессиональных забот) не в состоянии; никакой методолого-эпистемологический аболиционизм для них невозможен. Лучшее тому свидетельство – панорама смыслообразовательной стороны выполнения любого (нелюдического) текста в диапазоне от «космического до комического», – как подчеркивал Набоков, от великого до смешного – один свистящий согласный.

Ограничимся апелляцией к таким концептосхемам (контурно-обобщенным презумпциям), как:

Sinnwelt. Филология: статус произведения. Хрестоматийная шолоховская «Поднятая целина» погружается в лоно внутренне противоречивой ортодоксально – неортодоксальной рефлексивной позиции: автор приверженец – противник линии партии по коммунистической перестройке отечественного села при коллективизации в годы Великого перелома. Смысловая реакция на содержание указанного периода национальной истории – неоднозначна, но она не имплицитно лингвоцентризм.

Логика: статус универсалий. Хрестоматийная дилемма номинализм – реализм поглощается принципиальнейшей проблемой существования уровней сущего «конкреты – эйдосы»; а на этапе рефлексии аппарата – правомерностью пользования лишь предикатными выражениями или же квантификациями по классам (свойствам, отношениям).

Wertswelt. Филология: мощнейшая традиция версификации главного богатства жизни – «счастья» дает позиционный «сверхфразовый» ряд: Помяловский («Мещанское счастье»); Гофман (свадебный подарок Альпануса, погружающий Балатазаруса с Кандидой в тенета благоустроенного деревенского дома); Пушкин («на свете счастья нет, а есть покой и воля»); Маяковский (филистерский мещанский уют: «у тихой речки спокойно отдохнуть»); Булгаков (мастеру даруют не богоблагостный «свет», но неромантический бытовой «покой»).

Логика: проведение номиналистической линии языка-объекта фундируется сверхформальными (перекрывающими исчисление имен) платформами «мереология» (Лесьневский); «реизм» (Котарбинский); «элементаризм – прагматизм» (Гудмен); «космологическая модель мира» (Карнап) и т.д.

Lebenswelt. Филология: вслед за художником языковед-литературовед «чувствует» «глубокое, чудесное», что есть в мире, человеке (Бунин). «Чувствует» по словесной чувствительности – особому типу специфической смыслозначимой изобразительности. Художник не исправляет мир; – он укореняет в слове, образе, мысли собственную версию жизни, а через нее – «жизнь вообще», осмысляя ее, придавая ей форму, помогая духу [19, с. 313].

Логика: искусственный (формальный) язык сцеплен с естественным языком; всякое логическое исчисление опирается на обычный язык [30]. Аналогично формализация как познавательное предприятие решает многие проблемы, но гносеологически не является панацеей. По той простой причине, что в теоретико-познавательном отношении представляет отход от действительности в плане «отвлечения». И хотя «отвлечение не есть ошибка» [18, с. 53], – несомненно им содержание продуктивно – формализация не способна репрезентировать ценности познания: в нашем ответственном случае – заменить разрешение по истинности разрешением по

доказательности (потенциально избежать самореферентности, устранить предпосылки логических парадоксов типа парадоксов лжеца, Рассела, Карри и т.д.), не говоря о принципиальной неформализуемости экзистенциально-судьбических контекстов вида гносеологической амитологии: познаем в той мере, в какой любим (Августин, Паскаль, Кьеркегор, Пушкин, Достоевский, Шелер, Сорокин, Швейцер и др.); – парадигма: есть телесное – есть духовное зрение-узрение, в *irectioris ingenii* корреспондирующее тому, что имеется любовь-страсть и любовь-нежность, – любовь в космологическо-эйдетическом смысле – как форма переживательной близости, подводящая к открывающейся в актах взаимности экзистенциальной истине [20]. Неким регулятивным пределом претензий формальной процедуры (в том числе подход Соссюра – Вержбицкой) на выражение сложного через простое, содержательного через формальное оказывается результат Тарского, демонстрирующий невозможность «технического» уточнения «истины» для языков бесконечных порядков (ввиду использования трансфинитной индукции).

Унитарный момент всех и всяких семантических мероприятий – истолковательная инициатива – интерпретация.

Для формальных систем она осуществляется как приписание значений исходным символам, символическим выражениям через сопоставление синтаксических записей (типов переменных) с объектами фиксированных предметных сфер.

Требует подчеркивания адъектив «фиксированных» – ключевой в реализации функционально детерминированного истолковательного процесса: символ (группа символов) – универсум рассмотрения – функционально связываемая с символом (символической группой) сущность (объект) из универсума рассмотрения.

Подобная схема работоспособна в случае искусственных логистических (формальных) систем, но утрачивает привлекательность в экстраполяции эвристического потенциала на случай содержательных, недопускающих формализацию систем, востребующих для познавательного освоения использования нестроого, неточного (а потому – в своей лабильности – адекватного) естественного языка и – сильнее – неточного, нестроого способа мышления.

Вопросы жизни-смерти; радости-горя; надежды-отчаяния; убеждения-веры...

Нелепо, глупо выглядели бы интенции обсуждать их апелляцией к объектам (сущностям) каких-то фиксированных полей денотации.

Выстраданные мироубеждения:

- человек – кладбище упущенных возможностей;
- перемены приходят вместе с болью;
- беды – не беды в космическом отношении. Etc...

Вступая на почву продумывания откровений жизни, проваливаешься в бездну нетипизируемости фрагментов антропного опыта; возвратного означивания, трансформирования соотношенностей предметных и понятийных сторон знаков; наращивания поголовья судьбических чистосердечностей... сбиваешься на молитвенный тон.

Цветок и – гербарий; – жизненная полнота и – безжизненная теснота, духота, скука... Различие данных модусов сущего и их репрезентации наводит на торжество вкрадчивого недискурсивного понимания, утверждающего абсолютную правоту, сущностную силу смысловой неопределенности – недосказанности, неговоренности, недоуточненности, фигуральности, не буквальности – с приданными им средствами варьирования содержания в лице семантических

привнесений – уместных аллюзий, ассоциаций, коннотаций – согласованностей не по логическому, но симптомологическому, воплощенностей не по аналитическому, но пластическому началу.

Без обид и недоразумений, – применительно к тематизации жизнеемких гуманитарных сюжетов органон логики (логической семантики), может, и хорош, но туп, как ресторанный нож.

С высот рефлексивно более мощной системы отсчета дело, конечно, не в (полностью благообразной) логике, а в познавательной специфике используемого инструментария. Так, язык музыки не переводится на язык слов, – нет соответственных вразумительных трансляций. Аналогично отсутствует образная изоморфия литературного и живописного искусства: «...чем живее, осязаемее поэтическое слово, тем менее оно переводимо на план живописи» [26, с. 456]. Словесная и визуальная конкретности – не совпадают. На данном основании оправданно сомневался Розанов в целесообразности увековечения Гоголя в памятнике в окружении его героев: «Попробуйте... вылепить Плюшкина или Собакевича. В чтении это – хорошо, а в бронзе – безобразно, потому что лепка есть тело... форма, и повинуется она... законам осязаемого» [23, с. 279].

Как в наглядности выразить «гоголевские типы»?..

В литературе отсутствует стремление достичь воплощения зрительного образа; в живописи отсутствует стремление достичь воплощения «тропа», «типа». Словесный жест – не равен осязаемому жесту. Как и в случае музыки здесь не находится перевода, трансляции. Не находится сказанного и в регистрах логического и философского рассмотрения; с целью демонстрации этого подвергнем краткой оценке известное произведение С. Кирсанова. Итак:

Жил-был – я,
(Стоит ли об этом?)
Шторм бил в мол.
(Молод был и мил...)
В порт плыл флот.
(С выигрышным билетом
жил-был я.)
Помнится, что жил.
Зной, гром, дождь.
(Мокрые бульвары...)
Ночь. Свет глаз.
(Локон у плеча...)
Шли всю ночь.
(Листья обрывали...)
«Мы», «ты», «я»
нежно лепеча.
Знал соль слез
(Пустоту постели...)
Ночь без сна
(Сердце без тепла) –
гас, как газ,
город опустелый.

(Взгляд без глаз,
 окна без стекла).
 Где ж тот снег?
 (Как скользили лыжи!)
 Где ж тот пляж?
 (С золотым песком!)
 Где тот лес?
 (С шепотом – «поближе».)
 Где тот дождь?
 («Вместе, босиком!»)
 Встань. Сбрось сон.
 (Не смотри, не надо...)
 Сон не жизнь.
 (Снилось и забыл).
 Сон как мох
 в древних колоннадах.
 (Жил-был я...)
 Вспомнилось, что жил.

Пять строф – пять восьмистиший. Ключ к их (всегда, везде, во всем – недостаточной, неполноценной, недостоверной) трактовке – подтекстная настройка: разящая боль утраты ближайшего, связанного теснейшими чувственными узами, боготворимого alter ego – любимой супруги. Под стать человеческой драме – слог. Не «пропозиции», не «переменные» (логика), не «слова» (лингвистика) – крики души, вопли отчаяния, сбивающиеся в тираду по непреходяще – скоротечно (оксюморон) хрупкому бесценнейшему. Именно так: начало, конец, опосредующая их многоголосая середина – бесконечная тоска, безысходное уныние истрепанного испытаниями существа, обремененного печалью многоликого мучительного неотпускающего страдания о необратимости, невозможности, неповторимости моментов некогда пережитого (остаётся за рамой – явно улавливаемого – счастливого) жизнерадостного.

Оттого идейно система лейтмотивных образов предопределена спайкой реминисцентных достояний с перипетиями прожитого, откуда исходит сияние; художественно она выполняется применением синергии – техники связывания потоков сопоставлений, слития систем; реалистичной символики; проникающей (не логистичной) точности; углубляющей конкретизации; моменталистского охвата [12].

С позиций *figura dictionis* перед нами – строчный логоэд, в котором каждая нечетная строка – акцентный тонический стих; каждая четная строка – трехстопный хорей (с чередованием женских и мужских окончаний; в шестой строчке – небольшой ритмический сбой с лишним безударным). С позиций *idealiter*, – применяя односложную квалификацию, – сквозь сухие рыдания проводится емкая моменталистская мысль: события жизни – были, а не пыль (ср.: Бродель: «события – это пыль»); в грядущее надо идти вперед спиной, бережно охраняя памятное. Как у Бальмонта:

Можно все заветное покинуть,
 Можно все бесследно разлюбить.
 Но нельзя к минувшему остынуть,
 Но нельзя о прошлом позабыть.

С позиций *via trita* – замысел предопределяет исполнение.

Архитектонически сквозной строй яркого заявления прямых отсветов будоражащей чувственности поддерживается ритмическим чередованием стакато – легато (первые – вторые строки всех строф); внутренним динамизмом разработки главной темы непрерывным варьированием-смещением – детализацией смыслообразов, подрывом их тождества употреблением скобок (которые в качестве «символа» утрачивают плоскую логическую трактовку «несобственность», «вспомогательность») (вторые строки всех строф); активным использованием многоточия (предотвращение внутреннего очерствления приглашением к перманентному ассоциативному продумыванию – додумыванию – передумыванию) (1, 2, 3, 5 строфы); контрастной выработкой теплоты участия чересполосицей риторических вопросов и восклицательных ударений (4 строфа); применением эпифоры (1, 5 строфа) – перерастание ноты в партию, – смысловое замыкание молниетворных идей по необычайно эвристичному принципу «да – нет – да» (Абеляр, Кьеркегор), способствующему формированию конкретного понятия методом восхождения от абстрактного к конкретному.

Естественная одержимость переживаний, истощающая надрывность обостренных настроений души погружает в мир не бранных одномерных фактов, но нетленных самоизбыточных мерцающих состояний, где «бездна нам обнажена» (Тютчев).

Смысл жизни – умножение самооценности жизни. Понимают ли это живущие, исполненные заблуждения нескончаемости жизнеток? Вещь в том, что живым из жизни никто, никогда не выходил. Что же: жизнь – подожженная с двух (со всех) сторон горящая свеча, превращающаяся в оплывший огарок? Явленчески – пожалуй. Сущностно – иначе.

Помимо утрат, потерь, неясной, тупой тоски по расточенному пребывает в ней нетленное – идеальные неуничтожаемые запросы высокого, абсолютные веления сокровенного. Не на внутренней опустошенности, но на вечной наполненности вершатся дела небренные. Цена святого в жизни – бесценна. Святое, бесценное – неистоимый *fons Bandusiae* человеческих предначертаний. Душа наша, как лампада, тогда блаженна, когда полна елеем свято-подлинного.

Именно о сказанном – понятный, как открытая книга, опус Кирсанова.

1 строфа. Завязка. Накопление свободных смыслов обслуживает строка первая, выступающая преамбулой. Неспешно-непритязательный зачин «жил-был», подчеркивающий экзистенциальную как бы неоригинальность последующего, стремительно обрывается взрывным семантическим «тире», противопоставляющим «жизнью-бытью» массовости носителя персональности – «Я» в значении творящей фихтеанской субстанции.

Непроходную обязывающую интригу оттеняет сопутствующее (заключенное в скобки) вопрошание, – строка вторая: «Стоит ли об этом?». Но если в первой строке допущена подспудная несоположенность банального («жил-был») небанальному демиургическому («Я»), тогда – «стоит»! Недоуменное «Стоит ли..?» вытесняется на периферию – в самое подходящее для него место – скобки.

С третьей строки набегают шквал сопоставлений природных и антропных рядов «Шторм бил в мол» – «Молод был и мил», отчасти олицетворяющих соплодия жизни, но в большей мере – навевающих чувство грозящей катастрофы, выступая подкреплением догадки отсутствия предвечной *harmonia pre stabilitata* мира, удовлетворенность которым поддерживается успокоительным смутным сознанием собственной избранности готового к «любимым победам над всем и вся» недальновидного существа в скоропроходящей поре от юности до зрелости.

Молодость! Действительно особый период подчеркнуто оптимистичных беззаботных мироубеждений вроде «везение благоволит везению». Тем более на фоне констатации очевидного: «Шторм бил в мол» (оседланность стихии); «В порт плыл флот» (событийная задетерминированность случающегося); генеральный лицевой жизненного процесса «Я» – сам, как таковой, – лавроносец – «С выигрышным билетом», – камерно замкнут не на испытания, беспокойства, опасности; его планетарный удел – райские кущи безмятежного счастья.

Напоминанием того, что «человеческой природе чуждо ощущение совершенного счастья», – «оно не может быть легким» (А. Франс) – исполненная, полисемантизма замыкающая строка – «Помнится, что жил», синкретизирующая: разочарование (жил не так, как следовало); разоблачение (жил, как нельзя жить); раздосадование (жил, как лучше бы не жить).

В контрастно емком, но уравновешенном континууме природа (хаос) – жизнь (порядок), намечается дисбалансирующий хиатус: едва уловимый натиск стихии (все-таки «шторм» – буря – «бьет» в мол) создает обстановку предгрозя, разрешающуюся разгулом скрытых разрушительных сил.

2 строфа. Нагнетение интриги. Обогащение элементов природно – жизненных консонантных рядов-чередований объективных явлений – их субъективных проекций-отображений наращиванием внутреннего взрывного давления.

Эмпирически протокольные констатации: нечетные строки – первая: «Зной, дождь, гром»; третья: «Ночь. Свет глаз»; пятая: «Шли всю ночь»; седьмая: «Мы», «Ты», «Я», – перемежаются экзистенциально неразвернутыми фиксациями, оконтуриваемыми многозначительным многоточием: четные строки – вторая: «Мокрые бульвары» с подспудным, «где» (сугубый контекстуализм: там-то все завязалось, открылось, произошло); четвертая: «Локон у плеча» – типичная партиципация, абсолютизирующая роль заветной детали; шестая: «Листья обрывали» – пустяковая, бестолковая, но совместность – вариант сердечной синхронии; восьмая: «нежно лепеча» – состояние дискурсивно невыразимой близости, взаимности – модификация эмпатии.

Апелляция к гносеологически тонким инструментам постижения сущности гуманитарной материи – партиципации, синхронии, эмпатии [10] – расставляет приоритеты: природные отражения человеческих коллизий утрачивают самодостаточность, – они, отыграв роль на ступени завязки, задания пресуппозитивной рамы, отступают на задник, становятся вспомогательным сценическим фоном. Разыгрывается исключительно экзистенциальная драма разрыва союза «души с душой родной» (Тютчев).

Параллель «природное – жизненное» сменяется параллелью «подлинное – мнимое», где происходящее перемещается в фарватер дифференцировок профанное – сакральное; земное – небесное; обыденное – чудесное; тленное – нетленное; предельное – запредельное.

Пафос изложения помещается в эвристическую магистраль, философски идентифицируемую как моментализм: недосужее кредо человеческого существования – упивание мигом, обнажение в моменте – вечного; обретение в мелочах – отдохновения. Будущности – в будничности, как сказано тем же автором в другом произведении. Моментализм – экзистенциально приноровленная философия постижения уровня вечности, комбинирующая образом времени в редакции не «изменение», «дление», но «проницательное проникание»: мгновение – точка соприкосновения временного с безвременным.

3 строфа. Предкульминация, преддверие заточенного на разрыв души климакса. Солидарное движение по неусыпанному розами нелегкому («Ночь», «Листья обрывали»), но

многообещающему («Свет глаз»; «Локон у плеча») пути, внезапно предательски завершается. Провалы опустошенного сознания не заполняют безотрадные реминисценции – блеклые лики утраченного.

Чисто лексически абсорбцию шока потери «Я» вследствие ухода «своего Другого» выполняет привлечение негативных дополнений – первая строка: «Знал соль слез»; вторая строка: «Пустоту постели»; опускающих предикацию безопорных фигур с указывающим на неимение, недостаток, отсутствие предлогом «без» – третья строка: «Ночь без сна»; четвертая строка: «Сердце без тепла»; седьмая строка: «Взгляд без глаз»; восьмая строка: «окна без стекла»; уподоблений с атрибутикой летучести – пятая строка: «гас, как газ», заброшенности – шестая строка: «город опустелый».

Как и в других строфах, практикуется адресация к затекстовым реалиям, обслуживаемая нарушающими принцип равнообъемности понятийных связей скобок, заключающих не пояснения, а приложения-вставки, что в согласовании исходного и последующего (первая – вторая; третья – четвертая; пятая, шестая – седьмая, восьмая строки) актуализирует ресурс тончайшей процедуры расширяющего синтеза – экзистенциально-смыслового дочерпывания (излюбленный метод Трифонова – повествовательное дочерпывание).

4 строфа. Кульминация. Сердечная боль «шизым орломъ под облакы» не уносится; печаль – не испаряется, она – кровоточит. Реальнейшее свидетельство чего – ощущение распада жизненной связи времен, – провал между прошлым и настоящим. Оформляется история пустой души, собственно, историей не являющаяся.

Впавшая в состояние Zweifel удрученная, дезориентированная мысль колобродит в кругу плотно сбитых ни эмоционально, ни умозрительно неразрешимых дихотомий, представляющих отрывистые возгласы-выкрики рвущихся вовне треволнений.

Первые части дихотомий – 1, 3, 5, 7 строки выполнены в духе отчаянных недоуменных вопрошаний: «Где ж тот снег?»; «Где ж тот пляж?»; «Где тот лес?»; «Где тот дождь?», – подчеркивающих тяжесть потерь. Вторые части дихотомий – снижающие скорость, силу принятых на себя ударов «полузнаменательные» формулировки, применительно к сообщаемому означающие восклицательные «бывало»: 2, 4, 6, 8 (опять же взятые в скобки) строки – «Как скользили лыжи!»; «С золотым песком!»; «С шепотом – „поближе“»; «Вместе, босиком!».

Складывается требующая какой-то разблокировки, патовая гамлетовская ситуация:

Распалась связь времен –
Зачем же я ее восстановить рожден?

5 строфа. Развязка. Экзистенциальный момент истины; катарсическое прозрение, состоящее в уяснении: любовь ведет к одному, хотя разными путями (мысль Блока).

Любовь – благосветлое чувство – отменяет пресловутый закон исключенного третьего, утверждает истовый закон включенного третьего, по которому (вне половой мифологии В. Розанова) [22] отношения «он» – «она» опосредуются эфирной средой – небесным светом в палитре значений: просветленность, одухотворенность, расцветность, освещенность, освященность, разъясненность, осуществленность, жизненность.

Романтическая традиция запускает в оборот неуступчивую идею предсуществования гения (поэта-художника) (Новалис), который, зная жизнь по наитию, знает и ее смыслы. Так ли? Гениальность – бескомпромиссна. Включенный в вихрь воплощений-перевоплощений собственных образов, гений пребывает в плену миражей, фантомов, – искажающей положительные реалии модельной виттовой пляски. Божественная искра творчества на экспериментальных

площадках превращает его в беснующегося зверя (о чем – эстетствующие экзерциции Гофмана, Уайльда, Кафки, Джойса и др.), своей деятельностью углубляющего мотивы «не жить»; те же «Страдания юного Вертера» инициировали волну суицида.

Романтической апологии необремененной «жизненным», отъединенной от мира экзальтированной души должна быть противопоставлена укорененная в «заботу о мире» амитологическая апология с идеей любить жизнь, смысл которой – проживание жизни. Судьбы не одолеть, но и себя нельзя давать ей победить.

Прозрение – утрата иллюзий. Прозрение завершающей 5 строфы – апофеоз жизни, венчающей безотчетные блуждания. Где явь? Где сон?

Явь – счастье. Сон – любимая. Может ли отвлеченный «другой» (женщина, мужчина – любимый) быть счастьем? Счастье ведь жизненное (!) самоощущение самости.

Звучит непривычно, но требуется принять: счастье – не в «другом»; оно – через «другого». Счастье – в полноте, глубине, приятии проживания жизни вместе с другим!

Об этом – стихи.

Первая строка: «Встань. Сбрось сон»; – «прозрей» – императив востребуемого предвестия. Вторая строка: «Не смотри, не надо»; – жить сном – могучая, но не всемогущая сила; жизнь – пересиливает. Третья строка: «Сон не жизнь»; – очевидное, уточняемое четвертой – пятой – шестой строками: «Снилось и забыл»; «Сон как мох» «в древних колоннадах». И заключительный аккорд – жизненная роль через боль: пока жив, все (!) исправляемо, – седьмая строка «Жил-был я» (уже без демиургического; Соловьев сказал бы – теургического тире). Восьмая строка: «Вспомнилось, что жил» – закольцовывающая эпифора, символизирующая пробуждение, раскрытие глаз, выход из сомнамбулы, освобождение от безучастности, эскапизма.

Гносеологически тематизация неоднозначного пути от сна к яви исполняется достаточно сложным приемом познавательного тургора – содержательной тургесценции [5], – заключающейся в формировании адекватной картины действительности через категориальное «набухание» – накопление сущностно конкретного в понятийном фонде вплоть до смысловой инверсии – перехода в противоположность. В нашем случае разумеется сама (пафосная) трансформация мироотношения от ухода из мира (впадение в экзистенциально аморфное состояние – анаэробный «сон») до возвращения в него (жизненное пробуждение – возрождение) – по принципу «нет плохого, что хорошим бы не обернулось»: «Я» – в эмпирии «вечного», где «все противоречия гаснут» (Брюсов).

Общее резюме сказанного сводится к следующему.

Лингвистическая семантика исследует параметры (смыслы, значения – их вариации) словесных выражений; оценивает многообразную весомость слов на языковой почве [3, с. 13].

Логическая семантика исследует параметры (смыслы, значения) формальных выражений как компонентов языковых (синтаксических) систем с характерным запретом на перебрасывание моста к SR: «предложение, претендующее на утверждение реальности системы объектов (SR – авт.) является псевдотверждением, лишенным познавательного (!? – авт.) содержания» [16, с. 311].

Здесь – самое важное. Лингвистическая, логическая семантики изучают реальность языковых систем от фонетики, мелики, звукописи (символистская линия Верлена-Брюсова представления, условно говоря, семантизации через фонацию, идей через звуки [21, с. 36]) до существенно выразительных правил организации неинтерпретированных исчислений (логических конструкций), методов формальной импликации, комбинаторики и т. д.

Предметный контур лингвистической, логической семантики – система языка (утрирование системности как свойства языка) и структура языка (утрирование структурности как свойства системы языка), разрешающие, покрывающие их поисковые усилия.

Философская семантика исследует располагающуюся за языком данную через язык (в силу второсигнальности сапиента как *homo signum, symbolicum*) реальность (SR). Используя оборот А. Белого, это – редчайший дар – усматривать в языковом ландшафте феномен сущего.

Технически лингвистическая, логическая семантики преимущественно устанавливают смысло-значимости; философская семантика преимущественно углубляет, расширяет их. Последнему подчинен интерпретативный инструментарий – налаживание истолковательной (герменевтической) процедуры: уровни – интонационный, стилистический, текстовый и т.д. (лингвистика); методы – табличный, аксиоматический, дефинициальный и т.д. (логика); способы – закон включенного третьего, подрыв тождества, тургесценция, введение инсолюбилий (парадоксальных суждений) и т.д. (философия).

Корпоративно три вида семантик, отдавая дань непреходящему: «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог... Все чрез Него начало быть и без Него ничто не начало быть, что начало быть» [15], расценивают стихию *lingua* в лучах не миротворительного, но миросоотносительного подхода с разветвлениями: смысловая соотнесенность – содержательность; предметная соотнесенность – сущностность. Как бы то ни было, рефлексивно осваивается «изреченное миросуществование», где «значимое» в мире вычленяется из того, что «сказывается» о мире, из того, что поставляется его (мира) словесной (языковой) обработкой.

Литература

1. Барт Р. *Избранные работы*. М.: Прогресс, **1989**. 616 с.
2. Белинский В. Г. *Полное собрание сочинений: в 13 тт.* М.: АН СССР, **1954**. Т. 4. 675 с.
3. Булаховский Л. А. *Введение в языкознание*. М.: Учпедгиз, **1953**. Ч. 2. 177 с.
4. Веселовский А. Н. *Историческая поэтика*. Л.: Гослитиздат, **1940**. 404 с.
5. Ильин В. В. *Теория познания. Герменевтическая методология. Архитектура понимания*. М.: Проспект, **2017**. 184 с.
6. Ильин В. В. *Теория познания. Симвология. Теория символических форм*. М.: Изд-во Московского университета, **2013**. 384 с.
7. Ильин В. В. *Теория познания. Социальная эпистемология. Социология знания*. М.: Академический проект, **2013**. 204 с.
8. Ильин В. В. *Теория познания. Эвристика. Креатология*. М.: Проспект, **2018**. 176 с.
9. Ильин В. В. *Философия гуманитарного знания. *Studia humaniora*. Гуманитаристика*. М.: Проспект, **2019**. 256 с.
10. Ильин В. В. *Философская антропология*. М.: КДУ, **2008**. 232 с.
11. Ильин В. В. Философия кризиса: самосознание человечества в эпоху катастрофических перемен // *Российский гуманитарный журнал*. **2021**. Т. 10. №1. С. 3–17.
12. Ильин В. В. К юбилею писателя: философские уроки Леонида Андреева // *Российский гуманитарный журнал*. **2021**. Т. 10. №2. С. 69–84.
13. Ильин В. В. Философия кризиса: новый век – начало непонятной жизни // *Российский гуманитарный журнал*. **2021**. Т. 10. №3. С. 135–154.
14. Ильин В. В. Философия кризиса: интонация XXI века – осанна всечеловечности // *Российский гуманитарный журнал*. **2021**. Т. 10. №4. С. 238–248.
15. Ин. 1; 1–3.
16. Карнап Р. *Значение и необходимость*. М.: Изд-во иностр. литературы, **1959**. 384 с.
17. Крипке С. Семантический анализ модальной логики // Фейс Р. *Модальная логика*. М.: Наука, **1974**. 520 с.
18. Лейбниц Г. В. *Новые опыты о человеческом разуме*. М.: Соцэкгиз, **1936**. 484 с.
19. Манн Т. *Собрание сочинений*. М.: Терра – Книжный клуб, **2009**. Т. 8. 377 с.

20. Осипов Н. Е. Программа исследования личности // Приложение к отчету Московского Городского Ракавишиниковского приюта за 1913 г. М., **1914**. 27 с.
21. Письма В. Я. Брюсова к П. П. Перцову. 1894–1896 гг.: (К истории раннего символизма). М.: Госуд. акад. худож. наук, **1927**. 81 с.
22. Розанов В. В. *Люди лунного света: Метафизика христианства*. СПб.: Тип. «Т-ва А. С. Суворина-Новое Время», **1913**. 297 с.
23. Розанов В. В. *Собрание сочинений. Среди художников*. М.: Республика, **1994**. 493 с.
24. Толстой Л. Н. *Собрание сочинений: в 8 тт.* М.: Лексика, **1996**. 765 с.
25. Томашевский Б. В. *Стилистика*. Л.: Изд-во ЛГУ, **1983**. 288 с.
26. Тынянов Ю. *Литературная эволюция*. М.: Аграф, **2002**. 496 с.
27. Фет А. А. *Стихотворения и поэмы*. Л.: Советский писатель, **1986**. 751 с.
28. Фреге Г. *Избранные работы*. М.: Дом интеллектуал. кн.: Анашвили, **1997**. 159 с.
29. Фреге С. *Логика и логическая семантика: Сб. трудов*. М.: Аспект – Пресс, **2000**. 512 с.
30. Borel E. *Leçon de la théorie des fonctions*. P.: Gauthier-Villars et fils, **1914**. P. 160.

Поступила в редакцию 26.01.2022 г.

DOI: 10.15643/libartrus-2022.1.1

**About the tasks of semantics as a science.
Linguistic – logical – philosophical semantics:
subject-creative differentiation and cooperation**

© V. V. Ilyin*, E. K. Shaura, T. V. Shafigullina

*Kaluga Branch of the Bauman Moscow State Technical University
(National Research University)
2 Bazhenov Street, 248000 Kaluga, Russia.*

*Email: vvilin@yandex.ru

In the broadest respect, semantics (semasiology), along with syntactics and pragmatics, is a section of semiotics (semiology) – the science of sign systems – subordinate to the task of identifying the meaning, establishing the meaning of linguistic (sign-informational) constructions. Taking into account the subject focus of the research of the latter, the analytical aspirations of semantics are differentiated: meaningfully, methodologically, methodically – searchingly – conceptual areas are isolated: linguistic, logical, philosophical semantics. The purpose of the following presentation is to clarify their cognitive claims through the prism of points of growth, contact and separation of disciplinary and interdisciplinary interaction, and development.

Keywords: semantics, sense, meaning, understanding.

Published in Russian. Do not hesitate to contact us at edit@libartrus.com if you need translation of the article.

Please, cite the article: Ilyin V. V., Shaura E. K., Shafigullina T. V. About the tasks of semantics as a science. Linguistic – logical – philosophical semantics: subject-creative differentiation and cooperation // *Liberal Arts in Russia*. 2022. Vol. 11. No. 1. Pp. 3–24.

References

1. Bart R. *Izbrannye raboty [Selected works]*. Moscow: Progress, 1989.
2. Belinskii V. G. *Polnoe sobranie sochinenii: v 13 tt. [Complete works: in 13 volumes]*. Moscow: AN SSSR, 1954. Vol. 4.
3. Bulakhovskii L. A. *Vvedenie v yazykoznanie [Introduction to linguistics]*. Moscow: Uchpedgiz, 1953. Pt. 2.
4. Veselovskii A. N. *Istoricheskaya poetika [Historical poetics]*. Leningrad: Goslitizdat, 1940.
5. Il'in V. V. *Teoriya poznaniya. Germenevticheskaya metodologiya. Arkhitektura ponimaniya*. Moscow: Prospekt, 2017.
6. Il'in V. V. *Teoriya poznaniya. Simvologiya. Teoriya simbolicheskikh form [Theory of knowledge. Symbolology. The theory of symbolic forms]*. Moscow: Izd-vo Moskovskogo universiteta, 2013.
7. Il'in V. V. *Teoriya poznaniya. Sotsial'naya epistemologiya. Sotsiologiya znaniya [Theory of knowledge. Social epistemology. Sociology of knowledge]*. Moscow: Akademicheskii proekt, 2013.
8. Il'in V. V. *Teoriya poznaniya. Evristika. Kreatologiya [Theory of knowledge. Heuristic. Creatology]*. Moscow: Prospekt, 2018.
9. Il'in V. V. *Filosofiya gumanitarnogo znaniya. Studia humaniora. Gumanitaristika [Philosophy of humanitarian knowledge. Studia humaniora. Humanities]*. Moscow: Prospekt, 2019.
10. Il'in V. V. *Filosofskaya antropologiya [Philosophical anthropology]*. Moscow: KDU, 2008.
11. Il'in V. V. *Liberal Arts in Russia*. 2021. Vol. 10. No. 1. Pp. 3–17.
12. Il'in V. V. *Liberal Arts in Russia*. 2021. Vol. 10. No. 2. Pp. 69–84.
13. Il'in V. V. *Liberal Arts in Russia*. 2021. Vol. 10. No. 3. Pp. 135–154.

14. Il'in V. V. *Liberal Arts in Russia*. **2021**. Vol. 10. No. 4. Pp. 238–248.
15. In. 1; 1–3.
16. Carnap R. *Znachenie i neobkhodimost' [Meaning and necessity]*. Moscow: Izd-vo inostr. literatury, **1959**.
17. Kripke S. Feis R. *Modal'naya logika*. Moscow: Nauka, **1974**.
18. Leibnits G. V. *Novye opyty o chelovecheskom razume [New essays on human understanding]*. Moscow: Sotsekgiz, **1936**.
19. Mann T. *Sobranie sochinenii [Works]*. Moscow: Terra – Knizhnyi klub, **2009**. Vol. 8.
20. Osipov N. E. *Prilozhenie k otchetu Moskovskogo Gorodskogo Rukavishnikovskogo priyuta za 1913 g.* Moscow, **1914**.
21. *Pis'ma V. Ya. Bryusova k P. P. Pertsovu. 1894–1896 gg.: (K istorii rannego simvolizma) [Letters from V. Ya. Bryusov to P. P. Pertsov. 1894–1896: (On the history of early symbolism)]*. Moscow: Gosud. akad. khudozh. nauk, **1927**.
22. Rozanov V. V. *Lyudi lunnogo sveta: Metafizika khristianstva [People of moonlight: Metaphysics of Christianity]*. Saint Petersburg: Tip. «T-va A. S. Suvorina-Novoe Vremya», **1913**.
23. Rozanov V. V. *Sobranie sochinenii. Sredi khudozhnikov [Works. Among the artists]*. Moscow: Respublika, **1994**.
24. Tolstoi L. N. *Sobranie sochinenii: v 8 tt. [Works: in 8 volumes]*. Moscow: Leksika, **1996**.
25. Tomashevskii B. V. *Stilistika [Stylistics]*. Leningrad: Izd-vo LGU, **1983**.
26. Tynyanov Yu. *Literaturnaya evolyutsiya [Literary evolution]*. Moscow: Agraf, **2002**.
27. Fet A. A. *Stikhotvoreniya i poemy [Verses and poems]*. Leningrad: Sovet-skii pisatel', **1986**.
28. Frege G. *Izbrannye raboty [Selected works]*. Moscow: Dom intellektual. kn.: Anashvili, **1997**.
29. Frege S. *Logika i logicheskaya semantika: Sb. trudov [Logic and logical semantics: Collected works]*. Moscow: Aspet – Press, **2000**.
30. Borel E. *Leçon de la théorie des fonctions*. P.: Gauthier-Villars et fils, **1914**. Pp. 160.

Received 26.01.2022.